

"Сколько праэси нужно, чтобы поменять фитиль фонаря? Легион, чтобы покорить всех свечных мастеров, верховный лорд, чтобы продавать фитили на юг, а потом нас облагают налогом за то, что мы находимся в темноте." - Подслушано в таверне Лора Удар пришелся прямо в глаз, отбросив меня назад. Я выругался и сделал несколько шагов назад, не обращая внимания на самодовольную улыбку на лице моего противника, когда толпа пришла в ярость. Черт. Это точно превращается в синяк под глазом. Мне придется выложить часть своего выигрыша, чтобы вылечить его, если я не хочу снова провести несколько часов в лекциях у Матроны. И это при условии, что я выиграю - если я проиграю, то на какое-то время мне будет не хватать средств. Мужчина начал кружить вокруг меня, как стая ворон вокруг гниющей туши, неторопливо, но целеустремленно, и я поднял кулаки. Бинты, обмотанные вокруг моих пальцев, все еще были в крови от нескольких ударов, которые я нанес в начале боя, но нелепо крупный боец, которого звали Фенн, слишком легко от них избавился.

Если это превратится в поединок на выносливость, я не смогу победить: в нем было не менее пятидесяти килограммов, а сам он выглядел так, словно был вырезан из цельной плиты мышц. Я был быстрее его, но он это знал - поэтому и держался в обороне, позволяя мне наносить удары в обмен на свои. И его удары причиняли мне гораздо больше боли, чем мои ему. "Давай, Найденыш", - крикнула женщина сзади. "Разбейте этого ублюдка!"

Я выплюнул полный рот крови, скопившейся во рту, и двинулся вперед: чем дольше это продолжалось, тем больше становилось его преимущество. Мне нужно было покончить с ним побыстрее, если я хотел иметь хоть малейший шанс на победу. Я прибавил шаг, чтобы проверить, заставит ли это его вздрогнуть, но здоровенный ублюдок был безмятежен, как пруд. Жаль, что удары в пах были запрещены, один из них точно заставил бы его двигаться. Я нанес ему удар в челюсть, но Фенн пропустил его мимо ушей, повернувшись, чтобы подойти поближе. Попался. Мой кулак злобно впился ему в живот, и я, пританцовывая, вырвался из его хватки. Та часть толпы, которая поставила на мою победу, радостно закричала, а со стороны остальных раздалась какофония насмешек: Я не обращал внимания на эти звуки.

В начале своей карьеры я слишком внимательно следил за окружающей обстановкой, и это стоило мне нескольких легких побед, но я учился на своих ошибках. "Видел твой последний бой, Найденыш", - ворчал Фенн, пытаясь сократить дистанцию. "Ты уверен, что не хочешь проиграть и этот?"

Если это было его представление о трёпе, то он размахивал стальной палкой. Я нанес ему ложный удар в ребра, чтобы удержать его на ногах, и стал кружить вокруг него, чтобы получить лучший угол обзора. Так уж получилось, что последний бой я проиграл. В последнее время я слишком часто выигрывал, и это не давало мне шансов, когда я ставил на себя. Однако после того, как меня избил безымянный новичок, баланс изменился в другую сторону: Я собирался сорвать куш, если мне удастся победить Фенна сегодня. Этого хватит, чтобы оплатить обучение в колледже, даже после того, как организаторы получают свою долю, а еще одна единовременная сумма будет отложена на то, чтобы городская стража не смотрела по сторонам. "Ты боишься девушки вдвое меньше тебя, Фенн?" Я улыбнулся в ответ, убирая из поля зрения мокрый от пота локон волос. "Ты должен дать лекарям пару медяков, чтобы они подправили твое мужское достоинство". Вот это была реакция. Глаза коренастого мужчины сузились, и он скрипнул зубами. Забавно, что большинство бойцов, которые пытались меня подловить, так легко подставлялись сами.

Он не был настолько глуп, чтобы встать и напасть на меня - у него не было бы такой репутации, если бы он так легко терял голову, - но он перешел в наступление, как только я дал ему возможность. Думаю, неважно, насколько ты предсказуем, если бьешь как лошадь. Видимо, мое замечание разожгло в Фенне огонь, потому что когда он замахнулся на меня, это

было самое быстрое, что он делал до сих пор: Я едва успел отбить его кулак в последний момент, и он все равно задел мою челюсть. Если бы он попал, я бы уже лежал на земле. Я подошел к нему настолько близко, что почувствовал запах его пота, и бросил сенокосилку, но она его даже не испугала: не хватило силы. Он принял удар на себя и попытался повалить меня, к моей панике. Вступать в схватку с человеком такого размера было бы... плохо. Черт, черт, черт. Я нанес отчаянный апперкот прямо ему в подбородок и почувствовал, как несколько зубов разжались, что дало мне время. Я ударил ногой в боковую часть его колена, и оно поддалось.

Он опустился на полусогнутые колени, и это был мой вход.

Я уже делал это раньше, и это было бы жестоко, но я не собирался проигрывать - я ударил его коленом в брюхо, и Фенн упал. Еще один удар отправил его на землю, и теперь бой был практически выигран: Я топнул ногой по его лодыжке, и она сломалась с неприятным треском. Фенн издал хриплый крик, и я почувствовал укол вины, но милосердие - это то, что Яма выбивает из тебя. Я уже собирался переломать ему несколько ребер еще одним ударом, когда он поднял руку и, задыхаясь, сдался. На мгновение я услышал только стук крови в ушах, но он прошел, и оцепенение сменилось гулом толпы. Я вытер кровь, стекающую с уголка рта, бинтом, перевязанным на руке, и выбрался из земляной ямы, где только что ради золота переломал человеку кости. Точнее, за золото: обычно мне платили имперскими серебряными денариями, отчего все это было еще более жалко.

Усталость, осевшая в костях, не располагала к общению с азартными игроками, сделавшими на меня удачную ставку, но я все равно заставил себя улыбнуться.

Высокий орк протиснулся сквозь толпу и ударил меня по спине: двойной ряд нетронутых клыков во рту превратил то, что должно было быть ухмылкой, в ужасающее зрелище. Орков редко можно было увидеть на подобных боях: единственные зеленокожие в Лоре состояли в Легионах, а они, как правило, держались подальше от нелегалов. Не говоря уже о том, что даже спустя два десятилетия после Завоевания легионеры были далеко не так популярны в городе - люди, которых привлекала Яма, были из тех, кто не задумываясь сунет нож в спину легионеру в темном переулке. Удачи вам, подумал я, освобождаясь от восторженных поздравлений зеленокожего. Орки, как правило, были выше и шире людей, а их толстая зеленоватая кожа делала их чертовски трудноубиваемыми. Любой, кто был настолько глуп, чтобы вступить в схватку с трехсотфунтовым тренированным убийцей, заслуживал того, чтобы получить по заслугам.

Букер находилась в задней части склада, устроившись за своим обычным столом. В "Яме" не было окон - стекло стало еще дороже после последней налоговой заминки, - и горстка масляных ламп, расставленных по помещению, отбрасывала больше теней, чем света на тот угол, который она считала своим. Люди обходили ее стороной, отчасти потому, что у нее была отвратительная репутация, а отчасти из-за пары мрачно выглядящих телохранителей, стоявших за ее спиной. Когда я впервые услышал, то подумал, что Букер - это Имя, но это было всего лишь притворство: насколько я знал, она даже не умела колдовать. Единственной ее силой было наличие большого количества головорезов на зарплате, что в ее бизнесе было, конечно, полезнее. Она улыбнулась, увидев меня, и свет заиграл на ее горстке золотых зубов. "Хорошее шоу сегодня, Найденыш", - сказала она. "Неплохое выступление, Литейщик", - сказала она.

На это я фыркнул. Кожа и волосы Букера были такими же темными, как и у меня: в наших жилах текла деоратская кровь. Тем не менее, я был сиротой, а она родилась и выросла в Лоре - никто из нас никогда не ступал на территорию северного герцогства и не говорил ни слова на

старом языке. Не то чтобы я жаловалась на неуместное чувство родства: пятнадцатилетние девчонки вроде меня обычно не участвовали в состязаниях в Яме. Я попала туда, играя на репутации Деорайта, который был тверд в бою. Они удерживали Стену в течение пятисот лет, до Завоевания. Даже сейчас герцогство, в котором жило большинство из них, было единственной частью Каллоу, где не было имперских губернаторов. Я читал о какой-то сделке с Императрицей, но не мог вспомнить подробностей. "Я стараюсь", - хмыкнул я. "Ты получил мой выигрыш?" Букер усмехнулся и положил на стол денарии. Я пересчитал их - единственный раз я ошибся, когда она меня не обманула, - и нахмурился, когда понял, что их всего двадцать один.

"Нам не хватает четверых", - сказал я ей категорически. "Я не собираюсь поддаваться на это дважды, Букер". Ее телохранители оттолкнулись от стены и начали надвигаться в ответ на враждебный тон, но темнокожая женщина скорчила гримасу и махнула рукой, отстраняя их. "Мазус опять поднял цены, - пояснила она. "Всем досталось меньше, даже мне". Хотя я ни на секунду не поверил в то, что прибыль Букера изменилась, я без труда поверил в то, что губернатор решил выжать из Ямы еще немного золота. Имперский губернатор от Лора начал свой третий срок службы с того, что объявил, что все временные налоги его прошлых сроков теперь стали постоянными, в конце концов, и в городе не было ни одного пирога, который он не пихал бы в свои пальцы. Я недовольно кивнул и сунул серебряники в кожаную сумку, где хранил смену одежды. "Захарис там, сзади, если хочешь подлечить глаз", - сказал мне Букер. "Ты знаешь, как это делается".

Она перестала обращать на меня внимание еще до того, как произнесла фразу, но я не собирался жаловаться. Букер был не из тех, кого я хотел бы видеть в своей компании, да и не так уж много их у меня было. Я проскользнул мимо телохранителей, не удосужившись взглянуть на них, и направился через порог в маленькую грязную подсобку, где маг Ямы занимался своим ремеслом. Захарис был мужчиной лет двадцати, его кожа была бледной и постоянно покрасневшей. Полупустая бутылка вина, стоявшая рядом с креслом, где он храпел, была причиной того, что этот человек вообще был связан с нелегальным боевым рингом: он был любителем выпить, и в обмен на большую часть денег, которые он зарабатывал, занимаясь починкой бойцов, Букер позволял ему выпивать столько бутылок, сколько он хотел. От него снова воняло вином, отметил я, подойдя достаточно близко, чтобы потрясти его, но, по крайней мере, на этот раз за этим не скрывалась рвотная вонь. Захарис смущенно открыл глаза и провел толстым красным языком по губам.

"Кэтрин?" - прохрипел он. "Я думал, твой бой завтра". Меня возмутило то, что он настаивал на том, чтобы называть меня по имени, а не по фамилии, но не настолько, чтобы устраивать сцену. Я мог бы пойти в Дом Света за исцелением - и получить его бесплатно, - если бы у меня хватило духу стоять в очередях, но у тамошних священников была прискорбная склонность задавать вопросы. Лучше перетерпеть несколько минут в компании пьяницы и его неряшливое исцеление, чем потом явиться в приют и сообщить Матроне, что я опять ввязался в драку. "Завтра - сейчас", - сказал я ему со вздохом. "Ты достаточно трезв, чтобы бросать?"

Он пробормотал что-то невразумительное в ответ и закатал рукава, что я воспринял как согласие. Его взгляд метнулся к бутылке, но когда он рискнул взглянуть на меня, то, что он увидел на моем лице, убедило его отбросить эту идею. Он жестом предложил мне сесть на деревянный табурет, а сам поднялся. Судя по тому, как он при этом гримасничал, у него, должно быть, начинала болеть голова. "Так почему же все-таки жрецы лечат лучше магов?" - спросил я. спросил я, пытаюсь заставить его сосредоточиться на текущем моменте. Взгляд, который он бросил на меня, был довольно снисходительным. Захарис произнес несколько странных слов, и его рука окуталась желтым светом - он держал ее в дюйме от моего глаза, давая заклинанию впитаться.

"Священники обманывают, Кэтрин", - сообщил он мне. "Они просто молятся Небесам, и сила проходит через них, чинит все, что сломалось. Никакой особой смекалки не требуется. Маги же должны понимать, что они делают - если разбрасывать магию по телу без плана, то исцеление - это последнее, что ты получишь". Это было... не так обнадеживающе, как я думал. Верить в то, что Захарис знает, что делает, после встречи с ним становилось как-то не по себе. И все же, если бы он оказался полным профаном, Букер не стала бы держать его рядом. Боги знали, что он должен был стоять ей целое состояние на спиртное, каким бы дешевым ни было то пойло, которое он пил. "Вот, - сказал он через мгновение, убирая руку. "Как можно красивее. Только не бейся больше, плоть более хрупкая, чем обычно". Я кивнул в знак благодарности, достал из сумки семь медяков и бросил их в его раскрытую ладонь. Он заколебался, потом достал пару и протянул их мне. Я бросил на него удивленный взгляд.

"Тебе уже близко к шестнадцати, верно?" Zacharis said. "До приюта осталось не больше нескольких месяцев. Сохрани их, каждая монета будет на счету, когда ты станешь самостоятельным". Это было странно трогательно, когда говорил человек, которого я и в лучшие дни с трудом переносил. "Спасибо, - пробормотал я, смущенный неожиданной щедростью. Бледный маг горько улыбнулся. "Иди домой, Кэтрин. Займись каким-нибудь ремеслом, а не ввязывайся в такие дела. Не зря же его называют Ямой". Он достал бутылку, откупорил пробку и сделал глоток, повернувшись ко мне спиной. Я покинул комнату, а затем и сам склад: чем меньше времени я здесь проведу, тем лучше. Кроме того, приближался вечерний звонок, а мне нужно было успеть на настоящую работу. Я уже был в Лейксайде, так что до Крысиного гнезда оставалось совсем немного. При дневном свете квартал выглядел хуже, чем ночью: не было темноты, чтобы скрыть грязь и убогость, полагал я.

Улицы здесь были узкими и тесными, в отличие от широких мощеных проспектов Фэйрвея, где жили все более богатые люди. Даже когда Лор был столицей Королевства Кэллоу, а не просто губернаторством, квартал Лейксайд был помойкой. Так мне говорили - Завоевание произошло более двух десятилетий назад, за несколько лет до моего рождения, так что пришлось принять это на веру. Тем не менее, у меня было ощущение, что все стало еще хуже, чем было раньше. Гильдии, возможно, и получали золотые барыши, поскольку попали в карман губернатора Мазуса, но все остальные ощущали на себе тяжесть постоянно растущих налогов: некогда заброшенные склады теперь были заполнены людьми, у которых отобрали дома и магазины из-за того, что они не могли вовремя заплатить, - не более чем беженцами в своем родном городе. Если он и дальше будет душить торговлю, то весь город в конце концов окажется здесь в грязи, - размышлял я, обходя на цыпочках небольшую лужу грязи.

Мои ботинки и так были старыми, они могли не пережить еще одной чистки в целости и сохранности.

Кроме того, Харрион не позволил бы мне работать барменом, если бы я собиралась размазывать грязь по всему его полу. Он и так не одобрял мои драки в "Яме", не то чтобы он вообще что-то говорил: просто у него была манера отправлять меня домой пораньше, когда я появлялась со слишком явными синяками. Надеюсь, я успею ополоснуться в подсобке, прежде чем он увидит кровь на моей губе: конец месяца в Крысином Гнезде никогда не был занят, так что он мог дремать в комнатах наверху, а не следить за общим залом. А это значит, что Лейран может составить мне сегодня единственную компанию, - нахмурился я. Сын Гарриона был на несколько лет старше меня и считал себя самым очаровательным мужчиной со времен Сиятельного принца. Он был немного бездельником, и у него была манера проводить больше времени в разговорах с посетителями, чем за выпивкой - особенно если в "Гнезде" каким-то чудом оказывалась привлекательная женщина.

Он был безобиден, как идиоты, но если он унаследует таверну, то, скорее всего, развалит ее до

основания. Я свернул с дороги через задний двор Таннера Тома, чтобы сэкономить несколько минут, хотя бы для того, чтобы пот, которым я все еще обливался, не успел осесть.

Ключа от задней двери у меня не было, но она была не заперта. Вытерев сапоги о грязный ковер, который, как я был уверен, украли у торговца в порту, я бросил сумку на грязный пол и направился к миске с водой, стоявшей у стола в углу. По фоновому шуму, доносившемуся из-за двери в общий зал, было ясно, что здесь уже собралось несколько человек, хотя песня, которую играл менестрель, звучала еще громче. Я поморщился, когда она выкрикнула особенно нескладный куплет, взял тряпку, лежавшую в миске, и вытер лицо. Я воспользовался полированной медной пластиной, висевшей на стене, чтобы убедиться, что на лице нет следов крови, и выругался про себя, когда понял, что кровавой сгусток на губе никуда не делся. Темнокожая девушка, смотревшая на меня с поверхности, выглядела так, будто пережила лучшие времена, и я должен был это признать.

Меня никогда нельзя было назвать красивой - слишком сильный подбородок, слишком угловатые скулы, - но из-за того, что мои темные локоны прилипли к макушке, я была похожа на промокшую девочку из ежика. Несколько прядей волос выбились из хвоста, в котором я их держала, поэтому я расшатала деревянную заколку, скреплявшую их, и сунула ее в карман. Тряпка была прохладной и приятной, и я провела ею по шее и ключицам, чтобы освежиться. Шерстяная рубашка, в которой я лежала в яме, была в пятнах крови, поэтому я сняла ее и положила обратно в сумку, надев единственную хорошую одежду: хлопчатобумажную блузку приятного голубого цвета с символом Дома Лоре для трагически осиротевших девочек, вышитым над сердцем. Надо было быть осторожным, чтобы не пролить на нее пиво: прачечная в приюте была только через несколько дней, и каждое утро Матрона проверяла одежду. Поставив сумку в угол, я толкнул дверь и вошел в само "Крысиное гнездо".

Общий зал таверны был в точности таким же красивым, как и ее название: шаткие деревянные стены, сохранившиеся с разбитых кораблей, и грязный пол, который превращался в грязь там, где часто проливали напитки. Посредине находился широкий костер, обложенный камнями, окруженный кольцом столов, за которыми полдюжины посетителей тихо беседовали за напитками. Людей было всего двое. Три орка, все еще одетые в легионерские доспехи, сидели за одним столом с желтоглазым гоблином с офицерскими нашивками на плечах. Или, по крайней мере, мне показалось, что это была она: под зеленой морщинистой кожей трудно было определить пол. Вид трех здоровенных орков, которые были по меньшей мере на три фута выше тощей гоблинши и при этом цеплялись за каждое ее слово, вызвал у меня легкую улыбку, но как только наш менестрель начал новую песню, мое внимание переключилось.

"Поднимается сапог, опускается сапог: И как бы высоки ни были стены, Мы все заставим их пасть..."

За столом, где сидели солдаты, раздались негромкие возгласы. Похоже, Эллерна решила сегодня потворствовать своей публике. Песня легионеров не была популярной в Каллоу. Это и не удивительно, учитывая, что в ней много говорится о Завоевании. Харриона нигде не было видно, но Лейран сидел за одним из угловых столиков и ухмылялся Эллерне, когда она смотрела в его сторону. Уф. Он пытался уговорить ее разделить одну из кроватей наверху с тех пор, как Харрион нанял ее, и хотя сначала она была не в восторге от этой идеи, теперь, похоже, была склонна уступить. Плохое решение, Эллерна. Он не собирается жениться, чего бы ни хотел его отец. Мужчина, о котором шла речь, заметил, что я вошла, и жестом пригласил меня подойти ближе. Я пересекла комнату, улыбнувшись паре женщин, мимо которых проходила.

Лейран одарил меня улыбкой, максимально похожей на плутовскую, и провел рукой по коротко стриженным волосам, когда я занял место напротив него.

"Екатерина", - поприветствовал он меня. "Как всегда, пунктуальна". Как вы умудряетесь опаздывать на работу, живя в одном здании, я не понимаю, - воздержалась я от высказывания. "Лейран", - ответила я. "Мой фартук все еще под прилавком?" Он пожал плечами. "Прямо рядом с дубиной. Отец хочет сначала поговорить с тобой. Он в своей комнате наверху".

Хм. Я хмыкнул в знак признательности и поднялся на ноги. Еще несколько дней назад Харриону не требовалась моя помощь с бухгалтерией, так что дело было не в этом. Возможно, ему просто нужно, чтобы я поработал с цифрами - половина причины, по которой меня взяли на работу в Гнездо, заключалась в том, что я знал буквы и цифры. Преимущества воспитания в финансируемом Империей учебном заведении, подумал я. Лестница скрипнула под ногами и вывела меня прямо в коридор, где стояли четыре закрытые двери: две для семьи, две для сдачи в аренду. В отдельной комнате Гарриона хранились все его бумаги, так что я уже бывал там. Постучав костяшками пальцев по двери, я подождал немного, прежде чем толкнуть ее. Единственным источником света в тесной комнате была пара свечей: в левом углу стояли кровать и комод, а напротив них - голый остоу деревянного письменного стола. Сам Гаррион сидел на табурете за столом, и старик, не поворачиваясь, жестом пригласил меня войти.

"Кэтрин", - пробурчал он. "Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня прочитала".

Хозяин "Крысиного гнезда" - худощавый человек с лысеющей копной волос, одетый в простую коричневую шерсть, - смотрел на лист пергамента, который я не мог разобрать, вглядываясь в буквы, словно они его лично оскорбляли. Не уверен, что он смог бы разобрать их, даже если бы умел читать: глаза у него были уже не те, что раньше, и он всегда уклонялся от того, чтобы сделать очки. Привыкнув к грубоватым манерам Гарриона, я наклонился к нему через плечо и внимательно рассмотрел пергамент. Как я быстро убедился, это был официальный документ: на нем стояла золотая сургучная печать с гербом Лора. Я пропустил первые несколько строк, поскольку они были в основном церемониальной чепухой, и перешел к сути дела: канцелярия губернатора рассылала официальное уведомление о том, что к концу следующего месяца все заведения, где подают спиртные напитки, должны будут вступить в соответствующую гильдию, иначе им грозят дополнительные налоги.

"Они хотят включить вас в Гильдию пивоваров", - озвучил я. "В противном случае вы получите еще один налоговый удар - правда, они не говорят, насколько большой". "Чертов Мазус", - выругался Харрион. "Гребаный Праэзи и гребаная Империя", - добавил он через мгновение.

Я слышал, как внизу подают напитки гораздо хуже - и изобретательнее, - так что язык меня почти не смутил. К тому же я понимал, к чему он клонит. Мне говорили, что Гильдии когда-то были благом, когда Каллоу еще существовал, но с тех пор, как Лор получил императорского губернатора, они стали не более чем вежливой защитой. Они ежемесячно собирали членские взносы и требовали, чтобы определенное количество товара доставлялось в гильдию для "контроля качества" - в обмен на это они должны были защищать интересы своих членов и регулировать торговлю. Губернатор перевернул ситуацию, перекупив тех гильдмастеров, которых мог, и устроив несчастные случаи для тех, кого не мог, сделав их просто еще одним пальцем в руке Империи, душившей Лор. "Налог может оказаться дешевле, чем членство", - сказал я через минуту, не зная, что еще сказать.

Харрион насмешливо фыркнул. "Они жадные, а не тупые", - ответил он. "Налоги будут зверскими, девочка, можешь на это рассчитывать". Я провела пальцами по волосам и вздохнула. "Вы не сможете позволить себе содержать меня, не так ли?" Лысеющему мужчине хватило изящества выглядеть смущенным. "Может быть, в напряженные ночи, но не так часто, как сейчас", - признал он.

Я бы хотел обвинить его, но это было бы неправильно. Он ведь ни в чем не виноват. Он был не более счастлив от сложившейся ситуации, чем я, и не было никого, к кому можно было бы апеллировать. Губернаторы подчинялись непосредственно Грозной Императрице, и я сомневался, что Малиции есть дело до того, что ее приятель Мазус ведет себя здесь как повелитель разбойников. Пока дани приходят вовремя, какое ей до этого дело? Это несправедливо, но когда проигрываешь войну, справедливости не бывает, подумал я. Я почувствовал, как сжимается мой кулак, но через мгновение заставил его разжаться. Именно из-за таких вещей мне и нужно было поступать в Колледж. Если я поднимусь достаточно высоко в рядах Легиона, если накоплю достаточно власти и влияния, то однажды я смогу все исправить. Чтобы отправлять таких ублюдков, как Мазус, на виселицу, а не смотреть, как они устраивают банкет за банкетом во дворце. "Может, мне остаться хотя бы до конца месяца?" спросил я.

Гаррион устало кивнул. "Я постараюсь что-нибудь придумать, Кэтрин", - сказал он. "Я знаю, что ты на что-то копишь". Я улыбнулась, но мы оба понимали, что эти слова были пустым жестом. Я уже год занималась подсчетами в Гнезде, и золота здесь было не так много. Я спустился по лестнице, пытаюсь найти выход из этой ситуации. Возможно, мне удастся наскрести достаточно денег, если я начну чаще сражаться в Ямах, но это было чревато: проигрыш всегда был возможен, и чем больше я выигрывал, тем сложнее было делать на себя хорошие ставки. Букер пару раз намекнула, что не прочь взять меня в качестве силовика, но это скользкий путь. Пойду-ка я спать, решил я, надевая фартук. Пока что у меня была работа, а я не любил уклоняться от честного труда, когда мог его получить. В такие спокойные вечера, как этот, я тратил столько же времени на уборку, сколько и на то, чтобы принести посетителям напитки.

Однако с тех пор, как я в последний раз занимался этим, в кладовой сохранился более или менее полный порядок, и ни один из пивных бочонков не протекал. Я пролежал с тряпкой на стойке не менее четверти колокола, прежде чем что-то привлекло мой интерес. Здесь было несколько завсегдатаев, с которыми я был в дружеских отношениях, но моим явным фаворитом среди них была сержант Эбеле - я не мог не улыбнуться, когда она вошла. Она была высокой, даже выше большинства орков, а ее кожа была даже темнее моей. В жаркое лето я мог бы сойти за особо загорелого, но она была черной как уголь, такой, какой могут быть только северные праэси. На губах у нее был небольшой шрам, из-за которого она постоянно улыбалась в полуулыбке, которая превращалась в широкую ухмылку, когда она видела меня. Пока она заняла столик, я уже успел наполнить ее танкер и, не теряя времени, поднес его ей.

"Ты, мой милый, - сказала Эбеле, сделав долгий глоток пива, - просто восхитительный человек. Без тебя это место превратилось бы в собачий двор". При мысли о том, что скоро это произойдет, на моем лице промелькнула тень, но я пересилил себя. "Значит, вы только что закончили дежурство?" спросил я с нетерпением. У сержанта был дружелюбный нрав, который мне очень нравился, но больше всего мне нравилось то, что после нескольких рюмок она без особых усилий начинала рассказывать истории о своей службе в Легионе. Она была ветераном Завоевания, участвовала в сражениях на Полях Стрегеса и в осаде Саммерхольма, а также в быстрой, но жестокой гражданской войне внутри Империи, которая предшествовала вторжению в Каллоу. Впрочем, об этой части она рассказывала меньше. У меня сложилось впечатление, что это было довольно жестокое дело. И если кто-то, кто был на Полях, считает что-то жестоким, я склонен поверить ей на слово.

"О да", - пробормотал Эбеле. "Вот почему я здесь, пропиваю свои печали. Если мне придется еще раз услышать, как Горен хмыкает, я придушу этого идиота. Будь добр, принеси мне кувшин. Я не собираюсь выходить отсюда самостоятельно". Я фыркнул и скрылся в кладовке, наполнив глиняный кувшин до краев. Одно из немногих достоинств "Крысиного гнезда" по

сравнению с другими дырявыми тавернами заключалось в том, что Харрион не поливал пиво водой. На вкус оно, конечно, напоминало дохлых паразитов, но, по крайней мере, не было похоже на дохлых паразитов, замаринованных в воде. К тому времени, как я вернулся, половина танка Эбеле была уже опустошена, что сулило мне возможность выудить из нее истории - хотя, надеюсь, она не будет продолжать в том же духе, потому что ее певучий акцент становился все труднее расшифровывать, когда она невнятно произносила слова.

"Присаживайтесь ко мне, милая Кэтрин, - усмехнулся сержант, когда я поставил кувшин. "Это место настолько мертво, насколько это возможно".

Беглый взгляд вокруг подтвердил это. Кроме тех посетителей, которые уже были там, когда я вошел, и которые уже были заправлены, больше никого не было. Включая, как я устало отметил, Лейрана и Эллерна. Я постарался не думать об этом слишком много. "Еще довольно рано", - согласился я. Чем ближе к полуночи, тем оживленнее становилось Гнездо, но это было еще не скоро. Эбеле вдруг наклонился вперед, внимательно вглядываясь в мое лицо. "Ты был подвергнут магическому воздействию, причем совсем недавно", - заметила она удивленным тоном. Я моргнул. Неужели Захарис испортил свое заклинание? Ведь никаких видимых следов быть не должно. "Я подрался", - признался я. "Как ты можешь судить?" Улыбка темноволосого сержанта стала грустной. "Когда видишь достаточно магов-целителей, учишься определять признаки. Тот, кто делал твое исцеление, был немного грубоват, но это хорошая работа".

Ха. Очко в пользу Захариса, я полагаю. Если он мог так хорошо колдовать с похмелья, то, должно быть, он был неплохим колдуном и в трезвом состоянии. Если он вообще был трезв. Эбеле сделала паузу, похоже, обдумывая свои дальнейшие слова, и я приготовился проглотить вздох. Нужно было перестать говорить мне, что не стоит ввязываться в драки - сейчас, как никогда, учитывая, что я не собирался ничего зарабатывать в Крысином гнезде. "Ты выиграл?" - спросила женщина со шрамом. Я усмехнулся. "Забила его задницу в землю", - ответила я. "Молодец", - одобрительно хихикнул Эбеле. "Тебе стоит подумать о Легионах, если ты хочешь попасть в настоящие схватки". "Я коплю деньги на Колледж", - призналась я. "Надеюсь поступить туда к следующему лету". Безволосые брови сержанта поднялись. "Военный колледж? Амбициозно с вашей стороны, хотя, полагаю, с тех пор как лорд Блэк провел реформы, он стал менее дорогим".

Я родился до реформ - они предшествовали Завоеванию, - поэтому имел лишь смутное представление о том, о чем она говорит. Я так и не смог добиться от кого-либо реальных подробностей о том, что же на самом деле представляли собой реформы, хотя все сходились во мнении, что они радикально изменили Легионы Ужаса. Однако мое внимание привлекло имя, которое она обронила. Имя, если быть точным: Черный Рыцарь. Человек, возглавивший Каламитис при разрушении Королевства Каллоу более двадцати лет назад. Я знал, что он все еще жив и замышляет недоброе где-то в Империи, но существование людей с Именами никогда не казалось мне вполне реальным. Герои и их темные двойники были людьми, которые жили в легендах, а не в моей реальности, где я дрался в яме и разносил напитки. "Ты когда-нибудь встречал кого-нибудь из них?" спросил я. "Каламиты, я имею в виду". Полуулыбка Эбеле подернулась весельем.

"Лично? Только один", - сказала она. "До Завоевания я входила во Второе, когда оно двинулось, чтобы выбить дверь у верховного лорда Дума". Сержант отхлебнула из своей цистерны. "Моя рота столкнулась с его личным хозяйством, когда мы пробивались к его владениям - мерзкие ублюдки, с магами и окопавшейся позицией. Мы могли бы легко потратить три сотни человек, чтобы расколоть этот орешек, и мы не могли просто оставить их сидеть на вершине наших линий снабжения". Я наклонился вперед. Кто из них это был? Вероятно, не Черный Рыцарь, иначе она упомянула бы об этом раньше, а поскольку Капитан, как известно, никогда не отставала от него, она, вероятно, тоже была в отключке. Я сомневался, что Ассасин

остановился бы поболтать, но, может быть, Рейнджер? Я надеялся, что это был Рейнджер. Мне всегда больше всего нравились истории о ней.

"Итак, мы начали возводить вокруг них заграждение, - продолжал Эбеле. "Ждем подкрепления и все такое - и тут из ниоткуда к нам подходит этот человек. Хлопает нашего капитана по спине и говорит, чтобы она готовила роту, потому что скоро они снова двинутся в путь". Мужчина? Это значит... "Капитан спрашивает его, кем он себя возомнил, а он так ухмыляется. Зовите меня Варлок. Этот коварный ублюдок послал меня, чтобы я освободил вам путь", и он отправился в путь." Варлок. Они называли его "Сувереном Красного Неба", что бы это ни значило - праэси любили придумывать причудливые титулы ко всему, это было похоже на культурное принуждение. Вероятно, это проистекало из веков нераскаянного злодейства.

Тон Эбеле внезапно стал серьезным, веселье в ее глазах погасло, сменившись благоговением и малейшей толикой страха. "Мы так и не смогли подойти достаточно близко, чтобы увидеть, что именно он сделал", - пробормотала она. "Но не прошло и четверти колокола после его исчезновения, как весь вражеский гарнизон вспыхнул красным пламенем. Когда мы прошли через него той же ночью, все было цело. Ни одного камня, ни одной палатки не было на месте, но все доспехи были пусты. Как будто люди просто... исчезли". Я почувствовал, как по позвоночнику пробежала дрожь. Одно дело, когда маг создает огонь - это одно из самых простых заклинаний, - но то, что она описала? Это было совсем другое дело. Видимо, изучая приятные заклинания, не получишь такого имени, как Колдун. "Вот что я скажу о Легионах, милая девушка, - пробормотал сержант. "Постоянные учения - это, конечно, сука, но, по крайней мере, когда ты выходишь на поле боя, ты знаешь, что все самые страшные ублюдки на твоей стороне".

Я медленно кивнул, но не успел ничего сказать, как вошла группа посетителей. Я извиняюще пожал Эбеле плечами и вернулся к работе. Прогулка до приюта всегда была худшей частью ночи. Я знал, что работа в баре в плохой части Лора сопряжена с определенным риском, но не похоже, чтобы таверны в Торговом квартале выстраивались в очередь, чтобы нанять шестнадцатилетних сирот. Я уже не раз пытался попытаться счастья, и мне показывали на дверь, прежде чем я решил, что "Крысиное гнездо" - мой золотой шанс. К тому же подслушивать воспоминания подвыпивших ветеранов было куда интереснее, чем делать то же самое с претенциозными членами гильдии. Правда, время от времени кто-нибудь из завсегдатаев нарывался, но для этого у нас под прилавком стояла дубинка. Их редко приходилось просить отвалить дважды, а те, кто все же отваливал, уходили домой с несколькими сломанными пальцами.

Матрона в доме Лоре для трагически осиротевших девочек была глубоко оскорблена тем, что я занимаюсь таким неприличным делом, как подача выпивки грубиянам, но мне пришлось терпеть ее нравоучения еще год, прежде чем я получил свободу. Я была готова провести полколокола в кабинете старушки, чтобы меня отчитали за "общение с неблагоприятными элементами", если бы это означало, что к шестнадцати годам у меня будет достаточно средств для оплаты обучения. Не то чтобы я сказал ей, что именно на это я и копил деньги: если бы ее перья взъерошило то, что я пил в Лейксайде, она бы впала в ярость, узнав, что я хочу поступить в офицерскую школу для Легионов Ужаса. Когда я наконец отправился домой, было уже далеко за полночь, и возвращаться в Дом после наступления темноты было не так опасно, как можно было бы подумать: городская стража была безнадежно коррумпирована и к тому же находилась в кармане губернатора, но они прекрасно понимали, что если им не удастся обеспечить порядок в городе, то в дело вступят Легионы.

Как это ни смешно, но многие хотели, чтобы так и случилось: Легионы, по их словам, были несколько тяжеловаты для висельников, но, по крайней мере, когда Лор находился на военном

положении, все шло гладко. Тем не менее, пока Мазус оставался в постели с Гильдиями и держал стражников на жалованье, никто ничего не мог с этим поделать. Бунт означал бы лишь множество шипастых голов над городскими воротами, когда легионеры зачистят толпу: Грозная Империя Праэса не терпела инакомыслия, тем более открытого.

Тем не менее, Лейксайд не зря называли неблагополучной частью города, и я не собирался задерживаться на темных улицах. Честно говоря, я жалел, что у меня нет с собой ножа, но единственный раз, когда я попытался это сделать, матрона конфисковала его, когда одна из девушек в моем общежитии настучала на меня. Я никогда не был популярен среди остальных, и они не гнушались отомстить мне мелочными способами, когда могли. Я был уже на полпути назад, когда меня вывел из задумчивости крик, сопровождаемый звуком борьбы - он доносился из переулка, одного из множества тупиков, которыми заполнена эта часть города. Я заглянул за угол и почувствовал, как кровь поднимается, когда увидел силуэт охранника, толкающего девушку вниз. Блузка на ней уже была разорвана, но она, похоже, больше пыталась умолять мужчину оставить ее в покое, чем сопротивляться. Черт. От такого разумная девушка ушла бы, как бы ни была уродлива эта реальность. Почему я не могла родиться разумной девушкой?

Я не собирался вступать в схватку с человеком в доспехах, который был выше меня по меньшей мере на фут, но, возможно, мне удастся схватить вторую девушку и убежать, если я все сделаю правильно. В отличие от охранника, у меня не было оружия, но если я ударю его сильно и быстро, то смогу вырубить его еще до того, как дело дойдет до борьбы. Безрассудство, конечно, но что мне оставалось делать - просто заткнуть уши и идти своей дорогой? Я как можно тише шагнул в переулок и увидел ветхий ящик, полный гниющей капусты. Пальцы сомкнулись на его краю, и я в несколько шагов преодолел оставшееся расстояние, отделявшее меня от охранника, с размаху ударив ящиком ему по затылку. Ящик сломался с приятным хрустом, и он упал, а девушка, на которую он навалился, издала новый вопль ужаса. Я ударил охранника ногой в подбородок, чтобы он не смог подняться. Девушка в разорванной блузке отступала от меня, видимо, испугавшись меня не меньше, чем своего мучителя.

Бессмысленный жест: переулок заканчивался деревянной стеной, идти было некуда, только через меня.

"Я здесь, чтобы помочь", - успокаивающе сказал я ей. "Пойдемте со мной, нам нужно выбраться отсюда, пока..." Я не успел закончить фразу, как жестокий удар в висок повалил меня на землю. Мир закружился, я попытался подняться, но столкнулся лицом к лицу с обнаженным клинком. Я посмотрел в глаза второму охраннику, на плечах которого были сержантские нашивки. Его лицо было мрачным, он держал острие своего короткого меча менее чем в дюйме от моего горла. "Джозеф, - спокойно сказал он, - с тобой все в порядке?" Человек, которого я ударил ящиком, со стоном перекатился, осторожно вставая на ноги. "Эта сука меня уделала", - сплюнул он. "Синяк точно останется". "Радуйся, что у нее не было ножа, идиот", - проворчал он в ответ. "Он пытался изнасиловать девушку", - прохрипел я. "Какого черта это меня бьют?" На лице сержанта промелькнуло отвращение, но он отказался встретиться мой взгляд.

"Ты обещал, что больше не будешь заниматься подобным дерьмом", - проговорил он, игнорируя меня, чтобы посмотреть на своего коллегу. "Ты обещал, Джозеф". Джозеф отмахнулся от него. "Всем было бы наплевать, если бы она не столкнулась со мной, Аллен", - ответил он. "Мы можем просто сломать несколько пальцев, чтобы научить их хорошим манерам, и пойти домой, наш патруль почти закончен". Сержант - очевидно, Аллен - вздохнул. "Посмотри на ее блузку, Джозеф. У нее на груди пришита геральдика Имперского приюта. Она явится домой со сломанными пальцами, и люди начнут задавать вопросы", - сказал он. Глаза потенциального насильника расширились от страха. "Черт", - снова выругался он. "Что же нам делать? Я не

могу попасть в тюрьму, кто будет кормить моих детей? У Бесси даже нет работы".

Я бросил взгляд в сторону девушки. Она забилась в угол, дрожа, как лист, и пытаясь удержать свою разорванную одежду. В ее глазах был отсутствующий взгляд, как будто она была здесь, но не там. Значит, помощи с этой стороны не будет. Это... выглядело не слишком хорошо. "Нам придется их убить", - категорично заявил сержант. "Никаких клинков, это вызовет слишком много вопросов. Мы наткнулись на их тела во время патрулирования, свидетелей и подозреваемых нет".

И черт с ним. Я быстро двинулся вперед, отбивая руку, державшую меч, и пытаясь подняться на ноги. Это ослабило его хватку, но он впечатал поперечную гарду меча мне в плечо - к тому времени я уже наполовину поднялся, и это отбросило меня на шаг назад, испортив мне опору. Я попытался подавить панику, поднимающуюся в груди, но осознание того, что я застрял в тупиковом переулке с двумя вооруженными людьми больше и сильнее меня, не очень-то помогало. Я царапал лицо сержанта, когда он пытался меня повалить, мои ногти рисовали кровь на его лице, а с губ срывалось шипение боли. Но этого оказалось недостаточно: в какой-то момент он выронил меч и прижал меня к стене, зажав мои сопротивляющиеся руки и сдвинув ноги так, что я не мог попасть по нему ногой. "Джозеф, - сказал он напряженным голосом. "Позови другого. Но сначала пообещай мне, что это в последний раз. Мы не можем продолжать в том же духе". Джозеф облизал губы и нервно кивнул.

"Да, это в последний раз", - пробормотал он. "Я имею в виду, я не хотел, чтобы кто-то погиб из-за этого". Мгновение спустя рука сержанта легла на мое горло и начала сжимать его. Я попыталась ударить его и вырвать руку, но он был сильнее меня, и я пыталась дышать, но... "Не надо было входить в переулок, девочка", - сказал Аллен. "Сейчас не те дни, чтобы играть в героя". "Всегда ошибаешься, когда злорадствуешь до того, как дело сделано", - мягко прокомментировал голос. В этот момент из темноты вынырнул огромный силуэт, который без труда прихлопнул Аллена и подхватил второго мужчину за шиворот. Я жадно втянул ртом воздух и несколько раз закашлялся, прежде чем окончательно пришел в себя и смог оглядеться вокруг. Девушка все еще лежала в углу в состоянии кататонии, а рядом с ней на коленях стоял мужчина. Он накинул на ее плечи толстый темный плащ, а затем поднялся на ноги, и жуткие бледно-зеленые глаза встретились с моими.

Он был бледнокож и одет в обычные стальные пластины, но двигался так, словно килограммы металла, которые на нем были, были легкими, как шелковая рубашка. Мой взгляд метнулся к мечу, лежащему у него на боку, а затем обратился к другому новому присутствию в переулке. Это была женщина, или, по крайней мере, смутно похожая на нее: она была по крайней мере на три фута выше меня и вдвое шире, без видимого напряжения удерживая в воздухе сопротивляющегося Джозефа за шиворот. Я не мог видеть, вооружена ли она: плащ закрывал ее тело до шеи. Я поднялся на ноги, с трудом подавляя кашель и неловко осознавая, что зеленоглазый мужчина смотрит на меня. Аллен выглядел так, словно собирался уползти обратно на колени, и я с чувством злобного удовлетворения ударил его ногой в подбородок.

"Оставаться на месте было бы более мудрым выбором, сержант", - сказал мужчина.

"Дальнейшее сопротивление может иметь для вас неприятные последствия". "Спасибо", - пробормотал я, глядя на незнакомцев. "Я думал, что мне конец". Мужчина наклонил голову в знак признательности. "Капитан, - заговорил он, даже не взглянув на женщину-гаргантюа, - не могли бы вы заставить замолчать нашего второго друга?" Она ударила кулаком в живот Джозефа быстрее, чем я успел уследить, заставив его задыхаться, что было почти рвотой, а затем достаточно сильно ударила его в висок, чтобы он упал. Во время всего этого она не переставала его держать и, казалось, не испытывала особого неудобства, когда перекинула его бессознательное тело через плечо. Аллен издал придушенный звук. "Я знаю, кто ты", -

прохрипел он. "Ты - Черный Рыцарь. Сэр, мы на вашей стороне!"

Я сделал полшага назад, чувствуя, как желудок скручивается от неприкрытого страха. Напасть на охранника сзади - это было нечто, но если сержант был прав, то я находился менее чем в десяти футах от проклятого бугимена. Черт, кто только не мог зайти в этот переулок. У зеленоглазого было такое количество трупов, от которого у большинства мясников перехватило бы дыхание - в Кэллоу не было ни одного мужчины или женщины, которые не знали бы этого Имени. И если это действительно был капитан, державший второго стражника, то я был в полной заднице: по рассказам, она однажды убила людоеда одним ударом молота. Боги, глядя на нее сейчас, можно было предположить, что ее рост составляет не менее восьми футов. "Нет", - пробормотал рыцарь. "Ты действительно не такая". Бронированная нога вывернулась, и сержант присоединился к своему сообщнику в царстве грез. "Если мне не изменяет память, у нас есть убежище в нескольких кварталах отсюда, Сабах, - добавил он через мгновение. "Давайте пока оставим их там". Капитан поднял бровь. "Мы не отведем их в караул?"

"Мазус узнает об этом раньше, чем пробьет час", - ответил рыцарь. "Нет нужды предупреждать его заранее". "А девушка?" Они оба посмотрели на жертву, которая все еще ютилась в своем углу и дрожала как лист под плащом Черного Рыцаря. "Пусть кто-нибудь из мужчин приведет ее домой, - решил он. "По-моему, на сегодня с нее уже достаточно". Чудовищная женщина отдала честь, потенциальный насильник по-прежнему висел у нее на плече, и подхватила сержанта за ногу. Она не слишком бережно потащила его по земле и пересекла угол. "Вы..." прохрипел я, горло все еще болело от удушья, - вы действительно он?" Темноволосый мужчина улыбнулся, но улыбка не достигла его глаз. Они были холодны как лед, а от их жуткого зеленого оттенка у меня по позвоночнику пробежала дрожь - я знал людей с зелеными глазами, но ни у кого не было таких бледных, как у него. Они выглядели так, как я представлял себе глаза фей, и нельзя было отрицать, что в нем есть какая-то странность.

Он даже не ответил, но от одного его внимания я почувствовала себя кроликом перед волком, как будто мою жизнь могут вырвать у меня в одно мгновение. Наверное, кого-то это может испугать, но я всегда ненавидела испытывать страх. Другие девочки в приюте никогда не понимали, почему я все время хожу на крышу и стою на краю, хотя все знали, что я боюсь высоты, но они не понимали, в чем дело. Я продолжала идти, потому что боялась, и не останавливалась, даже когда они начали шептаться между собой о том, что я превращусь в горгулью, если буду стоять и смотреть на землю. Я не был настолько глуп, чтобы думать, что бороться с детской боязнью высоты и смотреть на улыбающееся чудовище, стоящее передо мной, - это одно и то же, но принцип был тот же. Мой страх не владел мной - я владел им. Я встретился взглядом с Черным Рыцарем и не дрогнул, даже когда его улыбка стала шире. Может быть, ты и волк, но я не кролик.

"Я - Черный Рыцарь?" - пробормотал он. "Да, помимо всего прочего". Тяжесть, которую я ощущал, исчезла так же быстро, как и появилась, и я выпустил дыхание, о котором не подозревал. Специально ли он это делал, или все это было только в моей голове? Страх не был естественным, тем более что теперь он не душил меня. Я опасался называть этого человека по имени, но после того, как он только что спас мою шкуру, было бы невежливо этого не сделать. "Я..." "Катрин Найденыш, из Императорского приюта", - закончил он, и у меня похолодела кровь. Откуда он знает мое имя? Неужели по какой-то непостижимой причине я была помечена для смерти? Насколько я знала, я не совершала ничего противозаконного и не связывалась ни с кем, кто был бы настолько глуп, чтобы пойти против императорской власти. Нет, успокаивал я себя, если бы он хотел моей смерти, то не стал бы вмешиваться, когда сержант душил меня. Тогда как... "Разве ты не слышала, дорогая?" - проговорил он с сардоническим изгибом губ, - "Я все знаю".

На интеллектуальном уровне я понимал, что то, что он говорит, невозможно, но сейчас, стоя в темном переулке у бессознательных тел двух мужчин, которых без труда прихлопнули, я почти поверил в это. "У вас нет никаких проблем, несмотря ни на что". "Должен сказать, что вы не очень хорошо продаете это впечатление", - ответил я, не сдержавшись. Я вздрогнул, как только осознал, какие слова вырвались у меня изо рта. Великолепная идея, Кэтрин, давайте выскажемся в адрес парня, который может вас пробить, и его даже не спросят об этом. Мне нужно пореже получать по голове. К моему облегчению, он захихикал. "Полагаю, вам придется поверить мне на слово", - ответил он. Я не был уверен, чего именно это стоит, но спорить не стал. "Боюсь, мне еще некоторое время потребуется ваше общество", - продолжил он. Я нахмурился. "Зачем? Вы сказали... ей", - сказал я, не решаясь произнести имя капитана, - что еще не передали их городской страже".

Я не мог представить, чем я мог быть ему полезен, кроме как свидетелем, да и то вряд ли. Если правая рука императрицы считала, что кого-то нужно убить, он умирал. Все было просто, и любой, кто был настолько глуп, чтобы протестовать, скорее всего, направлялся в ту же сторону. Блэк улыбнулся, и уже не в первый раз за эту ночь по моему позвоночнику пробежала дрожь. "С годами я пришел к убеждению, что те, кого обидели, должны иметь право голоса в том, как эта обида будет исправлена". Бросив последний взгляд на девушку, имени которой я так и не узнал, и которой уже помогал подняться молчаливый силуэт в темном плаще, я последовал за ним из переулочка.

Это место было совсем рядом, как он и говорил, и даже не настолько далеко, чтобы я начал думать о чем-либо, кроме того, как я нервничаю. Ничто не отличало убежище от любого другого дома в округе, кроме, конечно, десятка бронированных солдат в тяжелых пластинах, молча стоящих перед ним. Вот вам и вся тонкость. Не то чтобы я жаловался: даже полный патруль городской стражи не захотел бы связываться с этими ребятами. Или, может быть, с девушками? Трудно было сказать, так как козырек шлема закрывал их лица, а пластина скрывала очертания тела. Во всяком случае, я знал, кто они такие.

Их называли Черными Стражами, потому что у Прэзи была странная мания во всем использовать слово "черный". Они были элитными телохранителями рыцаря, и ветераны с Полей Стрежней, которых я подслушивал, говорили, что каждый из них должен был сравниться с десятью бойцами. Впрочем, так говорили о многих. Завоевание было настолько односторонней войной, что, как мне показалось, один из способов, которым калловцы справлялись с травмой, заключался в возведении завоевателей на пьедестал. Он вышел в дверь, кивнув им, и я, не говоря ни слова, последовал за ним.

Капитан - его нигде не было видно - или один из безликих солдат, которых я видел снаружи, видимо, зажег свечи внутри, потому что их было несколько штук, разбросанных по комнате. В углу стояла кровать, стол и пара стульев, но кроме этого мебель была скудной. Грабить здесь было нечего, если только не впадать в полное отчаяние. Охранники были связаны и с кляпами во рту, прислонены к стене в задней части комнаты. Оба уже проснулись, и ни у кого из них не получалось скрыть свой ужас.

Черный рыцарь проигнорировал их, и я последовал его примеру, заняв другой стул после того, как он сел сам. При свете свечи я впервые смог разглядеть этого человека, и я бессовестно воспользовался этой возможностью. Сколько раз мне еще представится возможность увидеть этого человека вблизи? У него было одно из тех нестареющих лиц, по которым можно было определить, что ему от двадцати до тридцати лет, что было довольно бодро для него, учитывая, что, по слухам, ему было около шестидесяти. Роли иногда делают это, замедляя старение или сохраняя прежний вид. Я все еще не понимал, чего он хочет, но если он не собирался ничего говорить, то у меня было несколько собственных вопросов. "Так что же с ними будет?" Блэк

барабанил пальцами по столу, тени, отбрасываемые свечами на его лицо, извивались, словно оживая.

"Они будут переданы городской страже для суда и наказания. Поскольку Лор больше не находится под властью Легионов, приоритет имеют имперские законы. Попытка изнасилования должна повлечь за собой минимум пять лет заключения в камере - меньше для доброго сержанта, учитывая, что он был лишь соучастником." Пять лет. Это было... Они пытались изнасиловать ее, а когда я их остановил, они пытались убить меня, чтобы это сошло им с рук. "И это все?" сказал я. "После всего, что они сделали, они провели пять лет в тюрьме, плохо питаюсь, а потом вернулись на улицы?" Он поднял бровь. "Вы недооцениваете неприятность пенитенциарных учреждений Лора, но по сути вы правы". "Этого недостаточно, за то, что они пытались сделать - за то, что они сделали бы, если бы нам не повезло, что появился ты", - прорычал я.

Бледнокожий мужчина, о котором я так много слышал в детстве, молча смотрел на меня, его лицо было нечитаемым. В голове крутились истории, каждая из которых была менее правдоподобной, чем предыдущая. Когда-то он ездил на драконе. Его меч питается душами невинных, поэтому он никогда не проигрывал дуэли. Он видит будущее и читает мысли своих врагов. За месяц он завоевал Кэллоу, превратив всю свою армию в оборотней. Орки поклоняются ему как богу, а он - король гоблинов. Была еще история о том, что в его жилах течет кровь великанов, но, учитывая, что его рост не дотягивал и до шести футов, я с уверенностью отбросил эту версию. Надеюсь, с чтением мыслей дело обстояло точно так же, потому что, насколько я понимал, никто, кроме меня, не мог находиться в моей голове. "Есть и другой способ", - наконец сказал он. Медленно, осторожно он отстегнул нож, висевший у него на поясе, и положил его на стол. Я настороженно посмотрел на лезвие: даже с моего места оно казалось остро отточенным.

"Вы знаете, что отличает людей, у которых есть Роль, от людей, у которых ее нет, Кэтрин?" спросил Блэк. Я покачала головой. "Воля", - сказал он. "Вера в то, что в глубине души они знают, что правильно, и что они добьются этого". У меня перехватило горло. Неужели он подразумевал то, что я подумала? "Так скажите мне, Кэтрин Фаундлинг, - пробормотал он, его голос был гладким, как бархат. "Что вы считаете правильным?" Он повернул нож так, чтобы рукоятка была обращена ко мне, прикосновение кончиков его пальцев было легким и изящным. "Как далеко вы готовы зайти, чтобы добиться своего?"

Я чувствовал на себе взгляды двух охранников с кляпами во рту, но не обращал на них внимания. Я встретил пристальный взгляд рыцаря, и сердце гулко забило в груди. Жизни этих двух людей только что оказались у меня на ладони, и если я хотел погасить свет в их глазах, мне нужно было только сжаться. Мог ли я действительно это сделать? Имею ли я право взять правосудие в свои руки? Убить их было бы убийством, об этом говорил каждый миг, проведенный мною в Доме Света. Пять лет, вспомнил я. Пять лет, а потом они снова окажутся на свободе. Мои пальцы сомкнулись вокруг ножа.

Я поднялся на ноги, и глаза Джозефа расширились от страха, когда я опустился перед ним на колени. В комнате не было ничего, кроме нас двоих. Моя ладонь прижалась к кожаной рукоятке ножа, но я крепко сжал руку и надавил на кляп. Если я это делаю, если я действительно собираюсь это сделать, я должен знать. Я чувствовал на себе взгляд рыцаря, но дело было не в нем. Дело было во мне, в решении, которое я должен был принять. Всю свою жизнь я говорил себе, что мне каким-то образом удастся получить власть и что я использую ее, чтобы все исправить. Чтобы сделать все лучше. И вот теперь я был здесь, одаренный властью жизни и смерти над двумя людьми в виде нескольких дюймов холодной стали. "Ты уже делал это раньше", - полуспросил я, полуутвердил. На мгновение мне стало стыдно, но в его глазах

было что-то такое, что вызвало во мне отвращение. Как будто он не понимал, насколько мерзким было то, что он хотел сделать.

"Послушайте, - сказал он, - я не хотел. Просто, как она была одета... Я имею в виду, какая порядочная женщина ходит по ночам..." Я перерезал ему горло.

Это не было сознательным решением. За то, что он сказал и сделал, я решил, что он заслуживает смерти, а остальное рука сделала сама, без всяких подсказок. Кромка, параллельная земле, перерезала крупные артерии, как это делает мясник со свиньями на рынке. Может быть, если бы я чаще бывал в Доме Света, я бы позволил ему сесть в тюрьму, но все, о чем я мог думать, - что будет, когда он выйдет? В следующий раз, когда он загонит девушку в угол посреди ночи, меня там не будет. Я смотрела, как кровь вытекает из его горла, и он смотрел на меня так, словно я его предала. Я задумался, должен ли я что-то чувствовать. Печаль, сожаление, может быть, просто тошноту при виде разворачивающейся смерти. Он, наверное, не успел бы так быстро, как она, подумал я. Когда я повернулся к нему, сержант выглядел покорным. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза. Во второй раз мой порез был чище.

Я еще некоторое время стоял на коленях, кровь капала с лезвия. Забавная штука - убийство человека. Можно было бы ожидать, что это произойдет под фанфары, гром вдалеке или тяжесть неодобрительных небес, давящая на плечи. Все, что я чувствовал, - это легкое онемение. На ладони был небольшой синяк от того, как рукоятка ножа оттолкнулась при прорезании, а на блузку попали брызги крови. Значит, я теперь убийца. Признаться, не так я представлял себе, как пройдет мой вечер. Шутка была безвкусной, но я все равно улыбнулась, потому что чувствовать себя бессердечной сукой было все же лучше, чем эта... апатия, которая овладела мной. "И так всегда?" спросила я, не сводя глаз с остывающего трупа сержанта и красной улыбки, которую я вытравила на его горле. "Когда ты принимаешь решение холодным?" услышал я голос рыцаря, стоявшего чуть позади меня. "Да". Я кивнул и мгновение спустя не стал сопротивляться, когда он помог мне подняться на ноги. "Они заслужили это", - сказал я мужчине, глядя ему в глаза.

Он не возражал. "Они это заслужили", - прошептала я про себя. Он повел меня к двери, и мне было все равно, куда мы придем, лишь бы подальше от этого дома. Ночной воздух холодил лицо, и я услышал, как один из Черных Стражей вошел в дом, но не обратил на это никакого внимания. "У меня к вам вопрос, лорд", - сказал я через мгновение, и мне показалось, что это был чужой голос, исходящий из чужого тела. "Зови меня Блэк". "У меня есть вопрос к тебе, Блэк". "Я слушаю". "Ты чудовище, не так ли?" тихо проговорил я в ночь, глядя на него краем глаза. Он улыбнулся. "Самый худший из них", - ответил он. Не знаю, что это говорит обо мне, но впервые с тех пор, как я вошла в переулок, я почувствовала себя в безопасности.